

Биоэтика всегда считалась частью культуры, но ее рефлексия в теории культуры рассматривается впервые в монографии Н.Н.Седовой и Н.В.Сергеевой «Биоэтика в пространстве культуры»

Ключевые слова: теория культуры, литературная биоэтика, антропологизм.

NEW PAGE IN DOMESTIC CULTURAL SCIENCE

Smirnov K.S., ShChekin G. JU.

The bioethics always was considered as a culture part, but its reflexion in the culture theory is considered for the first time in N.N.Sedova and N.V.Sergeeva's monography «Bioethics in culture space».

Keywords: the culture theory, literary bioethics, antropology.

В Волгоградском Медицинском Научном Центре состоялось обсуждение новой монографии Н.Н.Седовой и Н.В.Сергеевой (Биоэтика в пространстве культуры) (М., «Триумф», 2010 – 365 стр.). Все участники дискуссии единодушно отметили значимость появления данной работы, основной идеей которой явилось обоснование и объяснение культурологического статуса биоэтики. Было отмечено, что еще лет 10-15 назад биоэтику рассматривали как реакцию отстающей от научных биомедицинских теорий медицинской практики. Но даже на ранних этапах формирования биоэтических принципов понятно, что биоэтика выходит далеко за рамки медицинской профессиональной деятельности. И уже в 1991 году Международная ассоциация биоэтиков определяет ее шире - как учение о социальных, правовых и этических последствиях новых биомедицинских технологий.

По мнению авторов, которое разделило большинство участников дискуссии, биоэтику можно скорее отнести к «новой культуре», «новому мировоззрению» не только медицинских работников. Дело в том, что в рамках привычной медицинской этики уже невозможно описать нормы деятельности в новых научных и социальных ситуациях. Это происходит не только в результате неравномерного развития самой медицины, когда теоретические ее достижения опережают развитие своего морального оправдания. Скорее, причина кроется в тенденции глобализации, которая предполагает интеграцию научного знания – в вопросах экологии, питания, компьютеризации, терроризма, рыночных отношений, этнических проблем и т.д. необходимо присутствует медицинская компонента, но ее уже нельзя выделить «в чистом виде», не потревожив всю систему социальных институтов. Поэтому биоэтика – это нравственная парадигма глобального общества, хотя в разных его структурах она имеет разное значение.

Каждый человек выстраивает свою систему ценностей из трех взаимосвязанных систем – общечеловеческих ценностей, присущих исторической эпохе, в которой он живет, ценностей социальных групп, к которым он принадлежит и тех ценностей, которые непосредственно связаны с его индивидуальным жизненным опытом. Выступавшие в дискуссии в связи с этим отмечали, что в книге Н.Н.Седовой и Н.В.Сергеевой показано, что наиболее устойчиво в моральном плане человек себя ощущает именно тогда, когда в его сознании эти три системы совпадают. В историческом же контексте совпадение этих трех систем необходимо для стабильного развития всех социальных систем в целом. Все это можно рассмотреть на примере медицинской этики, периодизация которой в основном совпадает с периодизацией общечеловеческой морали. И современный ее период связан с активным процессом превращения медицины из узкопрофессиональной деятельности в широкую сферу социальной жизни. Он знаменателен формированием и нового социального (не только профессионального!) слоя – медицинской интеллигенции и выработкой совершенно новых постулатов медицинской этики, которые напрямую

говорят о гражданской ответственности врача. По справедливому замечанию одного из выступавших, сейчас мы находимся в периоде модернизации медицинской этики, который вызван активным развитием биомедицинских технологий и с новым представлением о ценности жизни вообще, что и позволяет говорить о широком культурном контексте тех проблем, которые ранее считались предметом медицинской этики, а, по сути, деонтологизировались. Поэтому можно поддержать позицию авторов, согласно которой биоэтика возникает не как «преемница» этики медицинской, а как новый культурный феномен, имплицитно связанный со всеми другими ценностями культуры.

Авторы совершенно справедливо отметили, по общему мнению участников дискуссии, что система общечеловеческой культуры существует, скорее, конвенционально, а реально мы имеем дело с этнодинамикой различных культур. И в этом отношении несложно заметить, что в России все периоды развития, как культуры вообще, так и медицинской этики, в частности, при общем хронологическом совпадении отличаются от общеевропейских по своему аксиологическому, а значит, и смысловому содержанию. Очень важна мысль о том, что в России биоэтика зародилась гораздо раньше, чем в западных странах, причем, как религиозная, литературная, философская рефлексия проблем жизни и здоровья. Даже легитимизация медицинской этики как корпоративного сегмента биоэтики показывает ее отличия от классической западной схемы, что прекрасно отражено в монографии.

В книге эта мысль обосновывается тем, что этическая ценность жизни, смерти, здоровья в России определялась соотношением с традиционными национальными философскими ценностями. К середине XIX века в России уже заканчивается формирование своего, специфического ядра (научного философского взгляда).[1] Соборность, всеединство, духовность – слова, малоупотребимые в европейской научной мысли, но главные для русской философии. И российские философы, писатели, врачи в это время стали составлять ядро российской интеллигенции. И в этом смысле важнейшей ее особенностью является антропологизм, глубокий интерес к внутренней духовной жизни человека. Для русской философии культуры характерна иррациональность, особенно в метафизической проблематике. В ней нераздельны разум и чувства, главными являются темы любви, правды, духовного подвига.

В монографии хорошо показано как в начале XX в. русская мысль, основываясь на культурной традиции, выработала триаду: духовность, богочеловечество, соборность, которая противопоставлялась сущностным определениям европейской культуры – материализму, человекобожеству (или даже зверочеловечеству), индивидуализму и функционально-механическому принципу социального объединения. Русское самосознание в философии XIX в. отвергает рационально-механистическое мировоззрение Запада, а вместе с ним и узко-позитивистское отношение к жизни, смерти, здоровью. Это проявляется в конфликте кардиогнозиса П.Д. Юркевича и вульгарного материализма Н.Г. Чернышевского. В. Соловьев пишет диссертацию на тему «Кризис западной философии. Против позитивистов», а И.А. Ильин утверждает, что культура как внутреннее и органическое явление, захватывает самую глубину человеческой души. П. Новгородцев, Е. Трубецкой, П. Тиллих и другие важнейшей культурной доминантой признают религиозную веру, а Н. Лосский считает таковой стремление к абсолюту, С. Франк – степень погруженности в «непостижимое».[2] Принципиальным для русской философии культуры является осознание смысла жизни как самотождественности с другим. Ф.М. Достоевский констатировал: «Важно не то, чтобы жить, а то, для чего жить».

И именно на основе православно-гуманистической парадигмы русской философии культуры, по мнению авторов, формировались представления о нравственной ценности жизни, смерти и здоровья. Яснее всего этот процесс можно проследить на примере художественной литературы, что и показано в работе. Герменевтический и

литературоведческий анализ позволил авторам проследить историю формирования отношения к здоровью, детерминированного этнокультурными особенностями. В русском этносе отношение к здоровью как ценности этнически определено а) ареалом обитания этноса, б) языковой культурой этноса, в) особенностями хозяйственной жизни этноса. Здоровье в русской культуре — это качественная характеристика бытия человека как единицы рода, что и выражено в растительной метафоре здоровья, пришедшей к нам из древнерусской литературы. И задолго до того, как биоэтические проблемы четко сформировались в последней трети XX века, они уже были прочувствованы в русской литературной среде; вопросы, пока еще без ответа, были предметом рассмотрения и живой дискуссии русской интеллигенции.

Таким образом, все участники дискуссии согласились с утверждением авторов о том, что биоэтика возникает задолго до того, как получает свое имя в науке. Она структурируется как культурный комплекс, имманентно связанный с культурной конфигурацией медицины. Она может выполнить свою миссию сохранения высоко нравственного отношения к жизни, смерти и здоровью только в этом качестве. Попытки нормативной редукции биоэтики являются следствием отношения к ней в западной культуре. Сама по себе такая редукция полезна и своевременна, но она не должна элиминировать аксиологический смысл биоэтики. В русской культуре биоэтика основывается на традиции антропологизма, активно способствуют этому художественные формы осмысления и чувствования биоэтических ценностей. Поэтому всякое заимствование западной нормативности биоэтических конструктов должно подвергаться гуманитарной экспертизе в категориях отечественной философии культуры.

Результаты обсуждения показали большой интерес к данной монографии и ее несомненную интеллектуальную значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергеева Н.В. Биоэтика в русской культурной традиции. //Биоэтика. – Волгоград. – 2010.-№3.-С.11.
2. Лосский В.Н. По образу и подобию.-М., 1995